

Андрей Калинин

ОТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

Книга 1

АНГЕЛЫ
МИРА

12+

Андрей Калинин
От третьего лица

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Калинин А. В.

От третьего лица / А. В. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98836-1

Как человек становится тем, кто он есть? Как формируется личность? Что влияет на складывающийся у мужчины характер? Ответы на эти и другие важные вопросы автор даёт на примере формирования и взросления главного героя произведения – Сани Морозова, который от маленького мальчика-мечтателя проходит путь до офицера морской авиации, ответственного за применение ядерного оружия. В произведении описана жизнь курсантов и молодых офицеров конца 1980-х – начала 1990-х годов - поколения, которое попало в мясорубку времени, слома идеологических систем, уклада жизни, потери смыслов и обретения себя нового в хаосе развала всего прошлого.

ISBN 978-5-532-98836-1

© Калинин А. В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

От Автора	5
Часть I	7
Глава 1	7
Весна	7
Генка	9
Родные люди	9
Улица	10
Новая идея	11
Тайны бабы Мани	12
Энтузиаст	13
Находка	14
Санины тайны	15
Печатник	16
Глава 2	18
Сибирь	18
Афганский синдром	19
Серёгина исповедь	20
Чукча	21
Варя	23
Спутница-ревность	24
Прощай Варя	25
В новую жизнь	25
Глава 3	27
Преодолеть сомнения	27
Рабочая школа	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Калинин

От третьего лица

От Автора

В 2015 году я написал свою первую книгу «Загляни в себя, или Мировоззренческая позиция одного счастливого человека», написал сначала только для себя и своих близких, но после прочтения текста моими друзьями, они убедили меня, что эта книга нужна людям и должна быть опубликована. Я решился, и не пожалел. Очень многие читатели написали, что книга для них стала больше чем просто чтиво. Одним она помогла разобраться в себе, а другим вообще изменить собственную жизнь. Одним из первых моих читателей стал Борис Валентинович Аверин.

Помню, как он мне позвонил уже через день после того, как я с трепетом подарил ему экземпляр и попросил посмотреть и сказал – Я прочитал, в целом книга мне очень понравилась. Но есть одно замечание, но одно на целую книгу... Это не много, приезжайте, обсудим. – Когда мы встретились, Борис Валентинович сказал, что он очень удивлён, тому, что увидел в тексте. Вернее, он удивлён тому, что написано это мной, достаточно молодым, по его меркам человеком.

Он с сожалением сказал, что ничего не знает о нашем поколении. Знает о своём, знает поколение своих нынешних студентов, а вот про нас, поколение, которое ещё захватило поздний период Советского времени и потом преодолело турбулентные времена 90-х, и сохранило себя, не свалившись в объятия преступности и хаоса, про нас он ничего не знает.

Борис Валентинович попросил, что бы я ему рассказал собственную историю жизни. А когда я закончил он засобирался, и объявил, что сейчас поедет ужинать в ресторан вместе с его семьёй – супругой Марией Наумовной и их сыном. На этом удивительные вещи не закончились.

Пока нам готовили еду, Борис Валентинович провёл меня в ночной Бельведер и устроил персональную экскурсию. Почетному гражданину Аверину в Петергофе даже охрана дворца отказать не могла.

Это был один из самых памятных для меня вечеров.

Мы искренне подружились и вторую книгу, «Загляни за горизонт, или сделка состоится всегда» Борис Валентинович читал и правил в черновиках, иногда мы спорили, но я всегда внимательно прислушивался к его замечаниям. Так я приобрёл своего учителя в писательском деле.

Но время бежит, и уже он ушёл в свои любимые облака. А я в какой-то момент понял, что есть его завещание мне, написать и рассказать о нашем поколении, тех кому суждено стало оказаться участником и свидетелем смены эпох в нашей стране и глобальной трансформации, которая называется «информационным обществом».

Я решился написать обобщенную историю человека своего времени. И попробовать рассказать почему он стал тем, кем стал, ведь ничего не берётся из неоткуда и у всех наших поступков есть своя предыстория. А характер определяют закреплённые повторяющиеся привычки из прошлого (паттерны) нашего настоящего поведения.

Эта работа не автобиографическая повесть, это художественное произведение и все имена, и события вымышлены, а совпадения случайны. Я не претендую на историческую точность деталей. Это произведение не хроника исторических фактов и не описание технологий.

Моя цель – показать мир глазами моего героя, а уж через это видение дать возможность и читателю посмотреть вокруг себя и поразмышлять, возможно, о собственной жизни и своём пути.

Посвящаю эту историю всем лётчикам Морской Авиации, моим братьям курсантам, 30-летнему юбилею выпуска Челябинского ВВАУШ 1991 года, и памяти, замечательного и дорогого моему сердцу, Бориса Валентиновича Аверина.

Часть I

Санькино детство

Глава 1

Собиратель

Весна

Солнечный свет, искрясь сквозь недавно оттаявшие от морозных узоров и потому прозрачные, словно промытые стекла, проникал в кухонное окно, как бы особо выделяя все детали не очень богатого интерьера кухни деревенского дома. Печь издавала легкий гул и пощелкивала перегорающими поленьями. Её выбеленные известью стенки отдавали уютное и ласкающее тепло. На старом, покрытом яркой клеёнкой с изображением разных цветов, столе стояла плоская с налитым вишнёвым вареньем и заварной чайник с отбитым на кончике носиком, из которого свисало повидавшее виды, несколько помятое, но не утратившее основного предназначения металлическое ситечко для сбора чаинок. На стене в застеклённой раме красовалось несколько групповых портретов домочадцев и ещё нескольких очень близких родственников в военной форме разных лет, воинов одной династии, но разных поколений. Глядя на снимки, можно было сразу определить, что это обычная советская семья, которая не избалована привилегиями, но вполне себе счастлива, насколько может быть таковой простая семья того времени.

Саня – а именно так зовут нашего героя – сидел за столом на табурете, который, по рассказам бабушки, собственноручно сколотил его дед Егор Трофимович. Которого, к слову сказать, Саня совсем не помнил, так как дед скончался от фронтовых ран еще в тот год, когда Саня только появился на свет. Соответственно, он ничего не помнил о своём героическом предке и знал, какой это был человек, лишь из рассказов бабушки и мамы.

Вообще, надо отметить, что всё то хорошее и настоящее, что было в Сане, заложили в него именно эти две женщины, как-то ненавязчиво и по-доброму сформировали в нем качества, которые и определяют его отношение к миру через много-много лет.

Реалистичность существования деда придавали многие вещи в доме: в кухонном шкафу Саня нашел среди разных мелочей, несколько дедовых фронтовых медалей, чуть потускневших и местами перепачканных от долгого соседства с болтиками, заколками, огрызками, старыми цветными карандашами и прочим мусором, не понятно зачем хранившимся в ящике этого повидавшего на своём веку кухонного комода; а в тумбочке, которая использовалась как подставка под большой квадратный черно-белый телевизор, бабушка хранила старые наручные часы деда с потертым кожаным ремешком и с широкой кожаной подложкой под механизмом.

Выпуклое стекло от старости пошло тонкой паутинкой, а циферблат потемнел от времени – видно было, что часы прожили долгую жизнь, и только замершие стрелки всегда указывали на одно и то же время. Время его ушедшего деда Егора. Бабуля рассказывала, что эти часы дед привез с фронта, когда его в сорок четвертом году комиссовали после тяжелого ранения в живот и на том его война закончилась. Поглаживая их в своей узловатой, с проступающими венами руке, она говорила, что, то ранение, возможно, спасло жизнь не только деду, но и самому Саньке. Ведь если бы не это обстоятельство, его мама не родилась бы в августе сорок пятого, а следовательно, никто бы больше не родился. То есть и его, Саньки, тоже никогда бы могло не быть!

– Жуть какая-то! Как такое могло быть? – подумал тогда Саня. А бабушка продолжала. Так что не известно, был ли тот осколочек мины, что пронзил бок деда, убийцей или же оказался ангельским подарком, который носил в себе Егор Трофимович до конца дней.

Позже, через много лет, пережив не раз близость смерти, капитан с позывным «Шторм» будет вспоминать и эти дедовские часы, и эти бабушкины руки, и её зеленоватые, чуть выгоревшие, но очень красивые, в светло-коричневую крапинку глаза, источавшие самую любовь и абсолютное добро. А ещё он научится воспринимать всё, что происходит, с благодарностью и верить в слова: «Делай, что должно, и будь что будет».

Важные дела.

А пока наш герой сидел за столом, болтая ногой, и думал, как же здорово вот так смотреть на солнце сквозь искрящееся, местами переливающееся радужными полосками преломлённого света, прозрачное весеннее стекло окна и наблюдать за прыгающими по кухне от разных блестящих предметов солнечными зайчиками. И ещё, думал он, как бы здорово было найти подходящий обрезок доски на соседней свалке столярной мастерской управления жилкомхоза, (жилищно-коммунального хозяйства, если полностью) огромной кучи стружки и опилок, из столярной мастерской, где работали мастера по дереву. Суровые на первый взгляд мужики, но Саня их очень уважал, ведь они своими руками творили настоящую красоту. Иногда Саню впускали внутрь, там пахло морилкой – такой краской для дерева – и столярным клеем. А со временем ему даже позволили иногда подметать в мастерской, и выбирать себе всё что окажется ценного, а там было что выбрать – забракованные резные фигурки, маски из дерева, куски деревянного шпона разных цветов. В общем одним словом – богатства.

Иногда там встречались удивительные вещи, настоящие сокровища: остатки резных карнизов или забракованные точенные на станке диковинные балясины для лестниц, а пару раз кедровые фигурки зверей. Но, по правде говоря, чаще Саня всё же контролировал кучу мусора во дворе, а там ничего не надо было просить, и любая находка становилась честным приобретением, что даже добавляло ей ценности.

А вот попасть в это наполненное полезностями место после рабочего дня или в выходной было не так-то просто: ситуацию осложнял старый и вредный дед Семён, который не жаловал, вообще-то, ни Саню, ни его закадычных друзей с «нашей» улицы, таких же охламонов и шнырей – как на них ругался прихрамывающий с той же Великой Отечественной, всегда сердитый сторож. Пацаны его сильно побаивались и, едва заприметив в дальнем конце жилкомхозовского двора, задавали дёру куда подальше.

Кроме деда Семёна, было ещё одно осложнение в жизни нашего героя: через забор по соседству жила Ирка. Она была на целых два года младше и потому никакого интереса не представляла, одно слово – «мелочь», но она была источником реальной опасности. Ирка всегда стремилась увязаться за шумной бандой мальчишек и имела привычку обязательно потом наябедничать взрослым о всех их проделках, даже когда её никто и не спрашивал. Что за натура такая? Как же её все не любили! А больше всех... догадываетесь кто?

Территория жилкомхоза манила, словно магнит, несмотря ни на опасность быть пойманным сторожем и заработать лозинкой пониже спины, ни на возможность нагоняя от мамы и надранного уха. Как же возможно устоять перед соблазном не перемахнуть запретный забор? Ведь только там можно было не только забраться в кабину старого ЗИЛа или полуразобранного Газона, но и «поездить», «поуправлять» гусеничным трактором, в котором вместо руля – два рычага, как в танке, и потому изнутри кабины сходство с настоящим Т-34 для пацанов было абсолютно полным. Не беда, что трактор был без сидений и стёкол, а его последний трудовой день был лет пятнадцать назад – да это вообще не имело никакого значения. Зато запах мазута и солярки был самым настоящим. Свой бой под Сталинградом Саня всегда вёл именно из его кабины.

Вот и сейчас он был настроен решительно, полон мыслей и надежд на удачную находку подходящих полезностей именно в куче стружки и опилок.

Генка

Сегодня Саня задумал смастерить лучшую лодку, чтобы пацаны из банды (а иначе они не называли свою неформальную тусовку) признали его мастерство в строительстве лодок. И его лодки для уже стремительных рек из ручьёв превосходят даже кораблики этого заносчивого Генки Шнура. И это совсем не прозвище, а его настоящая фамилия, которой малый вполне соответствовал.

Генка, конечно, и друг, и товарищ, но во всём стремится быть первым и не упустит возможности доказать свой авторитет. Возможно, причиной всему – его маленький рост, поэтому ему очень нужно было выделиться в чём-то другом. Генка был малым задиристым и ершистым, никогда не упускал возможность навязать своё мнение и продемонстрировать «взрослость», ругнувшись матом или смачно сплюнув, как это часто делали взрослые парни, обладавшие для всей мелкой шпаны непререкаемым авторитетом. Надо признать, что у него была определенная лидерская жилка, он умел держать авторитет среди других пацанов, ещё бы! Генка ведь мог даже покурить найденную где-нибудь на дороге сигарету и зажевать запах изо рта потом листиками мяты со школьной клумбы. И потому щеглы в банде чаще готовы были признать именно его затею.

Этот факт сильно злил и одновременно вдохновлял Саньку выстраивать собственный авторитет.

Санька с Генкой были настоящими соперниками, если только дело не касалось дворовых интересов и войны с пацанами с другой улицы, с которыми драки до первой крови возникали на пустыре за школой минимум раз в две недели. Тогда они были всегда рядом и никогда не сомневались в друге. А вот лодки Генка строить не умел, и сейчас это был большой козырь. Вот за этими мыслями нашего корабельных дел мастера и застала бабушка Ефросинья.

Родные люди

Бабушке было далеко за шестьдесят, и Саня её очень любил, потому что он не представлял себе мир без этого светлого человека. И ещё потому, что такой любви и заботы не досталось никому из его многочисленных братьев и сестёр, а их у Сани было целых восемь человек. Все они были двоюродные. Но в сознании Сани – просто братья и сестры, старшие ребята, которые всегда ему были родными.

Он очень гордился ими и всегда хотел стать на них похожим, причём сразу на всех. Он не мог выделить из них кого-то одного, ведь Саню любили все, и все проявляли заботу и внимание. А когда старшие приезжали к бабушке, то всегда привозили подарки и Маленькому, как нежно все называли Саню. Подарки были разные, но самым ценным был пистоль, который подарил самый старший брат Серёга, а он был уже настоящим офицером Советской армии. И, понятное дело, Саня безумно гордился не только пистолем в настоящей кожаной кобуре, которую можно было носить на ремне через плечо, но и своим большим, сильным и героическим братом. Конечно, именно на него, если честно, Саня и хотел быть похожим больше всего.

Поэтому вопроса выбора профессии уже давно не существовало, всё было понятно, и нужно было только подрасти и прилично окончить школу. С учёбой проблем не было, всё давалось легко и без особых усилий – парнишка был смышлённый. Мама рассказывала, что в роду вообще никто плохо не учился, и не соответствовать этому – большой позор. Поэтому учёба, всегда была делом обязательным и важным, несмотря на множество других важных и более интересных дел.

А вообще все старшие для Сани были дороги по-своему, и было трудно выделить кого-то одного. Может быть, и поэтому тоже, он всех очень любил, скучал и искренне ждал. Старшие все уже окончили школу и разъехались по городам: кто-то поступил в институт, кто-то уже работал, а кто-то служил в армии солдатом или, как Серёга, даже офицером. И именно они, эти родные Саньке люди, были для него воплощением совершенства, предметом гордости, образцом для подражания и, конечно, он мечтал вырасти похожим на старших братьев.

Старшие братья и сестры приезжали не часто и оттого эти встречи для Саньки всегда были ещё более долгожданными и волнительными. В той самой рамке на кухне как раз и были групповые портреты и отдельные фото всех внуков и внучек бабули, всех старших.

Незаметно и, как всегда, тихо на кухню вошла бабушка, она внимательно посмотрела на своего младшего, действительно отчего-то самого любимого из внуков, и, прищурившись, взглянув на стриженую, чубастую голову, поинтересовалась, чего это он сидит тут, а не несётся гулять, когда на дворе такой чудесный день и уже вовсю пахнет весной.

А ещё на всякий случай спросила, будет ли он на обед борщ с курицей, как будто от ответа Саньки что-то зависело.

Он-то наверняка знал, что курица была зарезана и выпотрошена ещё вчера, и теперь борща с наваристыми ножками и крылышками с ненавистными разварившимися кусками куриной кожи не избежать – это было абсолютно понятно, как дважды два, но бабушка наверняка разрешит съесть только мясо и шкурки, как всегда, достанутся второму бабушкиному любимцу – коту серой масти по кличке Васька.

В доме всегда были только серые коты и кошки, потому что бабушка Фрося искренне верила в то, что только такой окрас у неё в доме к удаче. И, несмотря на всю бабушкину набожность, это явно свидетельствовало о глубинных языческих корнях Санькиного происхождения. Санька в принципе спокойно относился к борщу из курицы, ведь другого мяса, как и колбасы, которую он любил больше всего, в доме давно уже не было и, скорее всего, не появится до майских праздников потому, что в сельповский магазин такие продукты привозят только по большим праздникам. И что тут выпендриваться?

Улица

Умыв тарелку наваристого борща, Саня впихнул ноги в чёрные резиновые сапоги – на размер или даже полтора больше нужного, потому как достались они ему от одного из старших братьев по наследству, и носить их приходилось с двойной стелькой и толстыми шерстяными носками бабушкиной вязки, пока нога не вырастет; накинул болоньевую синюю куртку на искусственной подкладке с двумя тонкими полосками на рукаве – красного и белого цвета – такую модную и красивую, что хоть ещё и не потеплело, чтоб её носить, но спасу уже нет, как надеть невтерпёж, а охота – она пуше неволи, как говорят люди. Махом натянул вязаную шапку – «петушок» с трезубцем Adidas и тремя горизонтальными полосками – и... выскочил на улицу.

Прохлада весеннего воздуха обдала лицо и руки. В нос ударил тот самый весенний запах, который бывает только в это время года, только в селе, только несколько дней. Воздух, в котором есть тонкие струйки сырой земли и перегнившей травы. Пропитан он одновременно свежестью и влагой, веет навозом и чуть тянет дымком от еще протапливаемых печей в деревенских домах. Только в несколько весенних дней, когда освобождается от снега земля, наполнен он непередаваемой чистотой, большим количеством кислорода так, что хочется его пробовать на вкус, дышать, глотать снова и снова!

Весь этот воздушный коктейль сопровождается чириканьем воробьев вперемешку с какими-то новыми голосами ещё невиданных ранее Санькой птиц и перекрывается периоди-

чески голосами со скотного двора: мычанием, хрюканьем и гомоном домашней птицы, где неоспоримо солирует петух Петька – а как же ещё его звали бы в деревне?!

В конце двора был курятник, рядом с которым был затянутый сеткой рабицей, как её странно называли взрослые, а на самом деле просто переплетенной в виде ромбов проволокой – двор для птицы. Бабушка его называла курятником, и там выгуливались днём куры – не сидеть же им, в конце концов, круглые сутки в сараишке, который был через стенку от Санькиной любимой мастерской.

Саня часто наблюдал за курами и делал вывод, что, пока не настанет время оказаться в борще, курица птица вольная и свободная от предрассудков, хоть и глупая, конечно, до невозможности.

А о местном петухе вообще говорить даже неудобно, ведь даже сосед Дядька Иван, которого никто никогда в селе не видел трезвым, не мог с ним конкурировать по вычурному пижонству, самовлюбленности и надменности, а ещё по его искусству ругаться матерными словами.

Только спустя много лет Санька узнает, что это называется по-научному – нарциссизм. Петька осознаёт свою важность и, гордо выкрикивая, видимо, угрозы конкурентам, следит за собственным авторитетом, хлопает при этом крыльями и шумно преследует других петухов, отгоняя их от своих подруг-несушек.

И вот пацан, который без всяких специальных программ по целеполаганию и занятий с психологами просто чувствовал и понимал мир, и главное – всем своим существом любил жизнь «здесь» и «сейчас», незаметно для себя оказался посреди улицы, остановился на распутье и задумался о том, каким всё же важным делом сегодня следует заняться.

Строить кораблики уже перехотелось, потому что воздух одурманил, тепло солнечных лучей приятно ласкало кожу лица и грело даже сквозь болоньевую куртку. Хотелось сразу охватить всё и сделать одновременно кучу разных дел в разных местах. День впереди был вроде бы ещё долгий, но опыт показывал, что надо спешить, не заметишь, как стемнеет.

Время, никогда так не чувствуется, как в детстве, ведь на одну его единицу в день или даже в час приходится столько чудес и открытий, сколько у взрослых не бывает и за целый год. Но Санька тогда этого ещё не знал. Он просто чувствовал новую свежесть и первое тепло, наполненность, витающую вокруг, ему просто хотелось бежать на пустырь, играть в землереза, бросая ржавый нож в землю внутри круга, но при этом нужна обязательно компания, ведь кто из участников больше земли отрежет тот и выиграет; или организовать чемпионат в царь-палку, которой надо сбивать банку из-под зелёного горошка с постамента, сделанного из половинки красного кирпича. Или просто затеять войну или прятки.

Но... посмотрев по сторонам, Санька не обнаружил никого из своей компании и понял, что играть сейчас ему не с кем. Он вспомнил о приближении долгожданного лета, каникул и безмятежных весёлых дней, длиною в целую вечность, и это снова подняло градус настроения.

Новая идея

И тут Саня, вспомнил, как он вообще мог это забыть, вот Балда! Всего три дня назад был общий субботник, а значит, скорее всего, на заднем дворе школы пионеры и комсомольцы собрали новую кучу бесценного металлолома со всего их большого села.

Вот! Вот какое интересное занятие его ждёт на этой свалке, тем более была в том и тайная цель.

Сейчас! – понял Санька. – Самое время, насобирать там запчастей на новый... велик, потому как его старый, выдавший виды «Орлёнок», доставшийся по наследству от старших родственников уже стал маловат, а хочется чёрный «Урал», непременно «Урал», чтоб как мотоцикл и обязательно чёрный – такой, как продают в сельском универмаге за сумасшедшие 72 рубля 35 копеек, но которого не видать как своих ушей, потому что мамина зарплата не поз-

воляет таких богатств. Ведь ей надо ещё выплачивать кредит за новый платяной шкаф, что с недавних времён сияет своими лакированными дверцами в маминной спальне, и в нем у Сани, как у взрослого уже человека, есть своя полка, личная.

Только вот совсем не понятно, как там всё должно лежать, потому что стоит Саньке аккуратно вытащить с неё, например, майку или трусы, как мама потом обязательно выскажет, что он навёл в шифоньере бардак, как в сарае, и всё там перекомкал. А он даже старался потом всё разгладить и разложить, чтоб не вываливалось, но мама всегда-всегда недовольна.

– Наверное, она просто не любит, когда кто-то без неё залезает в шкаф, – решил давно Санька и его душа успокоилась.

Но сейчас вообще в голове были другие мысли.

Санька понимал, что самое сложное будет найти исправную переднюю вилку.

Ведь местные мужики, как правило, сначала спяна умело пикируют в канаву или врезаются в столб, а уж потом велик с искорёженной вилкой и колесом «восьмёркой» отправляется на свалку, предварительно очищенный от всех более или менее годных запчастей. И поэтому с чем никогда нет проблем, так это с рамой, рулём и багажником – их на свалке металлолома как грязи, любого фасона и возраста. Особенно интересны некоторые старые рамы от дамских без горизонтальной перекладины, да ещё довоенных с таким вытянутым вертикальным бардачком из кожи буйвола, наверное, удивительным и пережившим своего хозяина аксессуаром. Там же можно было подобрать и подходящее кожаное седло, с амортизирующими крупными пружинами, в сборе или по частям. Но вот передняя вилка была настоящим предметом дефицита. И приходилось рассчитывать только на удачу.

У Саньки уже была припрятана настоящая «ураловская» рама за сараем соседки, бабы Мани, в высоком бурьяне из кустов полыни и ещё какой-то колючей сухой и жёсткой травы. В самом секретном месте – рядом со старой свалкой бытового мусора, битых склянок и ржавых прогнивших кастрюль, и вёдер. Баба Маня была совсем старенькой, родственников у неё не было, и доживала она век в небольшой избе с тёмными сенями, откуда всегда веяло прохладой и каким-то особенным запахом. Гостей баба Маня не жаловала, но Саньку как соседа терпела, и он отвечал ей соседским участием и заботой. Заодно пользуясь секретным пустырем за её сараешкой.

Тайны бабы Мани

Как-то однажды баба Маня потеряла бдительность и позволила Саньке проскочить в сени, когда он принёс ей несколько крашенных в отваре из луковой чешуи яиц, посланных бабушкой Фросей со словами: «Отнеси соседке, Пасха сегодня».

В Санькином детстве почти никто не знал, что такое эта Пасха, по крайней мере из Санькиных друзей точно. Но многие женщины в селе тайком угощали, бывало, конфетами или крашеным яйцом, упоминая Пасху, некоторые украдкой крестились, что само по себе несло добрую тайну и располагало к этому слову, а бабушка ещё всегда стряпала большой тазик хвороста, который Санька очень уважал и всегда ждал, как праздничного печенья.

Но вот когда Санька однажды спросил у мамы: «Что такое Пасха?» – мама сказала, что это праздник, который когда-то встарь был на Руси, а теперь его отмечают только необразованные бабушки, верящие в Бога, и ему как будущему пионеру болтать на такие темы не следует. Хотя у самой мамы в спальне, на ковре у кровати, висела маленькая, величиной со спичечный коробок, пластиковая, с наклеенным изображением женщины иконка, и мама иногда незаметно перед ней тоже что-то шептала, но тихо, так, что не разобрать, а иногда ещё и крестилась, чтоб никто не видел.

– А сама-то коммунистка! И Сане говорит, что Бога нет. Кто этих баб поймёт? – как говаривал сосед – дядька Иван, известный на всю округу пропойца и матершник.

Так вот, когда Саня зашёл в тот раз в сени к бабе Мане, он увидел там то, что бабушка всячески скрывала от чужих глаз.

К деревянной побеленной стене была приколата фотография, вырезанная из газеты, на изображении был старый седой дед в рясе и с большим крестом, свисавшем на толстой цепи почти до пояса.

На столе, под фотографией стояла небольшая потёртая иконка, а перед ней горела маленькая зелёная лампада.

Саня замер, словно замороженный – ведь точно такую же вазочку из цветного стекла он уже видел в краеведческом музее, на стенде антирелигиозного воспитания молодёжи и атеизма (слово такое странное запомнилось сразу – «атеизм»). Там лампада не горела и просто была подвешена под иконой. И тогда было вообще не понятно, зачем она нужна и что это такое? Но экскурсовод объяснила, что это лампада, и ещё уточнила, что они бывают разного цвета и разной формы, бывают даже в форме фигурки белого голубя, который олицетворяет Святой дух... Последнее сравнение Саня совсем не понял, но странное название запомнил.

Теперь всё встало на свои места, вот в чём дело! Она должна гореть и освещать в темноте икону... А ещё парнишка отметил ни на что не похожий запах в сенях – это пахло то ли лампадное масло, то ли воск от огарков свечи, но это было совсем не понятно, ведь запах не напоминал ничего для него знакомого.

В темных «холодных» как раньше говорили, плясали отсветы на стенах, и тени, мрак и запах прохлады с примесью нового неизвестного аромата превращали всё происходящее во что-то таинственное и загадочное. Саня стоял как вкопанный и не понимал, что этот момент отложится в его памяти на много-много лет, и когда-то через пол века он его опишет в своей будущей книге. Но это будет ещё когда... А сейчас Саня пришёл в себя и смотрел на лампаду, которая у бабы Мани аккуратно стояла в блюдце из-под чашки и горела дрожащим огоньком. Может она и распространяла, тот необычный запах, который Санька ещё никогда не чувствовал? Стол был старый, и только клеёнка – такие были в домах почти всей деревни, потому что купались из одного рулона в местном сельмаге – его как-то облагораживала. А баба Маня, заметив Саньку и его интерес, быстро вытолкала сорванца на двор, перекрестилась и испуганно захлопнула дверь.

Саня не знал почему, но понял или почувствовал, что произошло что-то важное и очень необычное для него самого. Он запомнит эту сцену на многие годы, сам не осознавая её смысла. Понимание этой зажжённой лампадки придёт к нему гораздо позже в совсем другой его жизни. А пока....

Энтузиаст

А пока надо двигаться в направлении свалки, искать заветную вилку и, если повезёт, приличное, поддающееся ремонту переднее колесо.

Недолго думая, он двинулся в сторону школы, а вернее, на задворки школьного двора. После тимуровский операций на свалке за школой, бывало, очень много полезного барахла: особенно старинные самовары с мятыми боками, кровати с железными пружинными сетками и рамы от старых велосипедов и колёса, как правило, с дефектом, называемые в народе «восьмёрка».

Эти последние важные поразительные вещи и интересовали нашего героя. Саня знал, что при правильном подходе, если совпадёт, можно было из всего этого собрать вполне себе нормальный велик. Правда, может и не хватить, деталей, и тогда придется выменивать в кооперативных гаражах несколько недостающих частей на пустые бутылки из-под пива и водки из ближайшего парка культуры и отдыха, где по кустам, особенно после партийных мероприятий, их валялось с избытком, а цена им в пункте приёма стабильные 20 копеек, а в гаражах – 15.

Либо же был вариант махнуть всё просто оптом, в обмен на какую-нибудь нужную штуковину, либо сбегав за сигаретами для мужиков в единственный и потому всем известный сельмаг. Где типам вроде Сани могли продать и сигареты, и пиво, искренне веря, что они, как настоящие пионеры, прибежали по наставлению старших. За редким исключением, так всегда и было. Но рано или поздно каждый настоящий пацан просто обязан был попробовать сначала папиросу или сигарету – кому как повезёт – а в более взрослом возрасте, годам к 13-14 – вино, именовавшееся в народе «Три топора», в магазине же – «Портвейн 777».

Но это так – отступление от темы.

Хотя какое же это отступление? Именно такие вехи в жизни пацанов и делают их в собственных глазах уже выросшими мужиками и дают пропуск во «взрослый», как им кажется, мир.

Сейчас Саня представлял, как он соберёт себе настоящий «Урал», покрасит его настоящей чёрной масляной краской и, как только просохнут дороги, выкатит своё сокровище на суд публики. Это вам не кораблики по лужам пускать!

Полный энтузиазма, он добрался до заветной кучи металлолома и принялся выискивать необходимые детали. Практически сразу ему попала старая рама со звёздочкой для педалей и погнутой передней вилкой. Этих вилок, как понимал Саня, здесь будет ещё не одна, потому как деревенские мужики, подпив, умудрялись не только спикировать с велика в придорожную канаву, но часто и въехать в забор или столб – куда попасть надо ещё очень постараться.

Находка

Потянувшись за очередным колесом, каких Саня уже вытащил из кучи около десятка, он вдруг заметил странный предмет, похожий не то на бочонок с завинченной металлической, скорее всего, алюминиевой крышкой, не то на запаянный бак. Большая крышка была сильно деформирована сбоку, и вообще на предмете было много вмятин – он не представлял для Сани ни малейшей ценности. Даже старинные дутые погнутые самовары были куда интереснее – на них хоть были ряды медалей, и можно было найти год выпуска дореволюционной штуковины. Саня, родившийся в год 52-летия Советской власти, даже представить себе не мог такую ретроспективу, и потому она его всегда завораживала. Саня размахнулся и со всей силы пнул странный предмет, но вдруг внутри что-то загремело. И, не понимая ещё почему, он очень захотел проверить, что бы это могло быть. Саня, как и большинство его друзей по банде, не очень-то любил читать и вполне обходился обязательными страницами в книгах, необходимых для получения положительных оценок по литературе.

Всю остальную жизнь он предпочитал изучать «методом проб и ошибок», что и позволило ему к 5 классу уже быть, как он сам считал, вполне взрослым и самостоятельным человеком. А учитывая, что Саня был единственным мужчиной в доме, он уже вполне чувствовал всю ответственность за семью на своих мужских плечах. «Бабы есть бабы, что с них взять» – часто говорил он сам себе, когда поведение мамы или бабушки ему казалось излишне встревоженным, испуганным или восторженным, особенно, когда по телевизору, который был главным окном в большой мир, показывали фильм с участием Василия Ланового или Юрия Соломина.

В те времена во всём СССР трудно было найти женщину в возрасте от 7 до 70 лет, которая не была бы влюблена в этих артистов. Вообще, это было время романтиков, героев, победителей, покорителей целины, строителей БАМа и других всесоюзных комсомольских ударных строек.

Молодые ребята по комсомольским путёвкам по собственному желанию ехали за мечтами и туманами в далёкие неизведанные дали строить новые города и свою жизнь, готовые жить в палатках и бараках, преодолевать и побеждать. Это было время идеалистов и романтиков, воспитанных на советских ценностях и вере в светлое будущее.

В это сейчас почти невозможно поверить, но вся огромная страна, занимавшая шестую часть всей суши планеты Земля, в одно утро влюблялась в одну песню, или всех покорял один фильм, или, тем более, один артист.

Родина знала и ценила своих героев: все знали имена космонавтов, футболистов и хоккеистов сборной, Героев Социалистического Труда на память, по именам и по фотографиям. В народе ходили легенды, героями которых были эти герои современности. Увидеть их можно было только на развороте газеты, журнала или по телевизору.

Конечно и Саня мечтал стать, как минимум, известным героем-разведчиком или космонавтом. Потому что Гагарин был тоже простым парнем из глубинки, из очень простой семьи.

Саня решил во что бы то ни стало вскрыть злополучную банку и с ожесточением занялся реализацией задуманного. Порывшись в куче металлического лома, он извлёк оттуда монтировку для разбора колёс (что было совсем не удивительно в стране, где весь ремонт автомобиля практически всегда делал сам водитель), зубило – такой заостренный внизу металлический стержень сантиметров 20 в длину, предназначенный для рубки твердых предметов – и болванку размером с консервную банку, но очень тяжелую, потому что сделана целиком железа. И принялся за дело.

Сначала попробовал отжать привинченную крышку монтировкой, но она никак не поддавалась и всё время соскакивала прочь. После очередной попытки, саданув соскользнувшей рукой по какой-то банке и содрав кожу на правой руке до крови, Саня понял, что надо применить другой подход, и взял в руки зубило. Изначально менее симпатичная идея сейчас быстро дала результат. Буквально после третьего удара крышка на баке треснула, и рваные концы разошлись по сторонам, осталось лишь завершить начатое. Волнение подступило к горлу.

Забыв про раненую руку и солёный пот, заливавший и щипавший глаза, Саня, затаив дыхание, высыпал на кусок жестиной обшивки круглой печи, которую почему-то называли голландкой, содержимое банки. Каково было его удивление, когда оттуда высыпались... буквы!

Да-да, буквы алфавита и в большом количестве. Каждая из них имела прямоугольную основу и была похожа на маленькую печать и длинную, сантиметра три, основу-ножку. В учебнике истории Саня видел такие буквы, там была фотография наборного печатного стола, на котором революционеры печатали листовки, так вот буквы там были точь-в-точь с такими ножками, тоже вырезанные зеркально. Это были буквы для набора текста, настоящий типографский шрифт. Саня буквально обалдел от увиденного. Неужели у нас тоже здесь были революционеры, неужели!!! Аж воздух перехватило, вот это да!

Санины тайны

Саня аккуратно завернул в найденную неподалёку обивку дивана (который, видимо из-за пружин матраца, пионеры тоже приволокли сюда, в эту кучу) свою драгоценную находку и, уже забыв про идею с великом, припустил в свой любимый сарай – туда, где хранились дрова, запас угля, всякие инструменты для огорода, и старый, ещё дедов, плотницкий верстак.

Главной ценностью верстака были настоящие, прикрученные сбоку, большие металлические тиски, которые так любил Саня. Ведь в них можно было зажать собственный палец – и он, конечно, пробовал...

Одного эксперимента было достаточно, чтобы понять, что они могут раздавить не только палец, но и любую часть тела, которую ты туда отважишься засунуть. Саня решил больше не заниматься членовредительством и зажимал теперь в них только сторонние предметы. Зато его тиски опробовали всё, что попадало Саньке под руку: от гвоздей до металлической трубы, которые требовалось распрямить, до рыбацкого крючка, когда тот надо было подправить надфилем. Ещё вставив в тиски полоску из стали, можно было смастерить самодельный клинок для ножа. Но это, конечно, была большая тайна.

А ещё большей тайной, «за семью печатями», Саня считал сделанный на тех же тисках собственный прототип пистолета, который был сделан из куска металлической трубки, сплюсненной с одной стороны и загнутой буквой «Г», а потом туда для прочности был залит свинец, сбоку просверлена дырка для поджога спичками – ее Сане и помог сделать старшеклассник Серёга. Именно он – Серега как-то показал Сане собственный пистоль, из которого можно было даже палить нарезанными гвоздями по банкам в дальних огородах. Серёга продемонстрировал свой шедевр и даже позволил подержать в руках, но стрелял сам, потому что Саня ещё шпана мелкая. В тот момент ничего более желанного для Сани, во всём мире не существовало. Он уговорил Серёгу помочь сделать такой же. За что, глубоко вздохнув, отдал Серёге, с огромным сожалением, самое дорогое, что у него было – серебряный старинный полтинник, найденный им в кладовке под половицей, когда там вскрыли пол для замены подгнивших досок.

Саня считал обмен в принципе очень удачным и надеялся теперь сделать настоящее огнестрельное оружие, но пистоль, как у Серёги, у него не получился. Все ж таки, Серега был на целых 5 лет старше Сани и уже соображал, что мелюзге такое оружие помогать делать ещё рано – мало ли отстрелит себе ещё что-нибудь. Поэтому предусмотрительный и мудрый Серёга сказал Сане, пусть пока у него полежит заготовка, а вот когда тот подрастёт, он объяснит, как эту штуку довести до ума. Саня на него не обиделся, ведь и вправду ещё было страшновато. А вдруг эта штука взорвётся прямо в руках, – начал подумывать Саня. При этом в школьных коридорах иногда ходили ужасные слухи, что такое периодически случалось уже не то в нашей, не то в соседней школе, не то в соседнем районе. А однажды Саня сам увидел у одного пацана оторванную фалангу пальца, и он тогда сразу подумал, что возможно, как раз, вот таким пистолем.

Печатник

В общем, Саня вернулся в свою «Мекку» – свой сарай, и только тут перевёл дух и успокоил дыхание, вытерев рукавом с лица струйки грязного пота. Он нашёл невысокий деревянный ящик для рассады, который бабушка уже достала, чтобы вскоре посеять семена огурцов, и с грохотом высыпал в него искрившиеся чёрными буквы наборного шрифта.

Застучало в висках, опять перехватило дыхание, и Саня, сам не свой от свалившегося счастья, начал пробовать собирать слова. Задача оказалась не из простых, так как буквы имели зеркальное отражение и требовалось собирать их, наоборот. Поняв это далеко не сразу, Саня рванул домой, где в кладовке бабушка берегла старое зеркало. Оно было со сколом в углу, и мама потребовала его выбросить на свалку. Бабуле же, видимо, эта штука была очень дорога поэтому завернув его в старую наволочку, она спрятала его в кладовке.

А Саня, который знал там каждую вещь, хранил бабушкин секрет в тайне. Теперь настало время воспользоваться этим зеркалом и приспособить его как обратный экран.

Несколько следующих недель Саня провёл в сарае. Прибежав из школы, быстро переодевшись и пообедав, он за полчаса расправлялся с домашними заданиями и мчался в свою типографию, а куда же ещё!

Он решил, что теперь может сделать свой печатный станок и набирать на нем, например, поздравления или, умные мысли, которые Саня особенно запоминал, когда слышал афоризмы в школе или читал их на каком-нибудь плакате. Особенно ему нравились фразы, которые иногда проговаривала его бабуля, типа «Похож как свинья на ежа, только шерсть не такая» или «Заставь дурака Богу молиться, так он и лоб расшибёт». Они были смешные и умные, по крайней мере, говорила их только бабушка, а она уж прожила долгую и очень непростую жизнь, поэтому Саня всегда прислушивался ко всем её советам и мудрым словам.

А вообще Саня решил, что он теперь будет собирать мудрость и печатать собственную книгу... От одной этой мысли у него вспотела спина, побежали мурашки. Он знал, что нашёл

сокровище, и теперь надо было придумать и сам печатный станок, и найти подходящую краску и метод получения оттиска. Работы впереди было много. Жизнь нашего героя изменилась: она впервые приобрела настоящий смысл, как казалось Сане, и, как он почти сразу почувствовал, стала приносить много радости от самого предвкушения реализации замысла. Но как же много ему ещё предстояло понять и прожить, для того чтобы появилась на свет его первая книга...

Глава 2 Искатель

Сибирь

Слепило. От яркого света приходилось всё время прищуриваться, горячее июньское солнце превратило всё, что можно нагреть в раскаленную сковородку. В воздухе как будто зависло и время, и пространство, и даже мысли. Невыносимый зной усугублялся периодически усиливающимся, зловещим ветерком и его прикосновения к телу обжигали каждую клетку кожи.

Почти невозможно было представить, что всего несколько месяцев назад здесь всё вокруг сковывали лютые морозы, кружили метели и завывали вьюги. Так в этих краях бывает каждый год, сезонные колебания температуры воздуха от минус 45 до плюс 45 градусов по Цельсию, это реальность этих мест. Таков он, резко континентальный климат Юго-Западной Сибири, на юге Алтайского края, почти на границе с северным Казахстаном и Монголией.

В географических справочниках эти места называют – Кулундинская степь, а в новейшей истории страны – Целина, прославленная в шестидесятые и семидесятые годы прошлого века комсомольцами, романтиками и просто людьми стремившимися заработать и обеспечить себе и своим семьям достойную жизнь.

Целинные совхозы это, в те годы, огромные бескрайние поля нетронутых ранее степей, вспаханные и засеянные различными зерновыми культурами: пшеницей, гречихой, подсолнечником. И всё это руками ребят и девчат приехавших осваивать целину по комсомольским путевкам, строить здесь свою жизнь и свой новый мир. В этом всесоюзном, по своим масштабам движении, принимали участие агрономы, инженеры, строители, ученые, учителя и многие специалисты разных других профессий, но прежде всего ценились специалисты рабочие – шоферы, механизаторы, доярки.

Идеологи страны, советского времени, умели внушить людям и чувство единения, и общей цели. Люди ехали в палаточные городки и бараки – такие, большие корпуса коридорного типа, где была общая кухня и другие общие места, в них каждая семья, как правило, занимала одну комнату.

Люди, воспитанные в патриотическом духе, дети победителей в Великой Отечественной войне, готовы были отказаться от родных мест и комфорта и начать жизнь в этих суровых краях. Фантастическая мотивация людей к работе в сложных условиях и созиданию нового.

Кроме того, в пик года, осенью, в уборочную страду, на помощь в сборе урожая, сюда приезжали тысячи грузовиков из далёкой Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга), других промышленных центров, практически со всего Советского Союза. Урожайи год от года были всё более рекордными, руководство страны докладывало о скорой и неизбежной победе коммунизма на 1/6 части суши, которую занимал Советский Союз, а жизнь почему-то становилась всё более тревожная и напряженная. В магазинах всё больше становилось дефицитных категорий товаров, с полок исчезли шоколад, масло и колбаса, не какие-то марки или виды, нет, вообще, как продукт, и многие товары продавались по талонам, которые выдавали гражданам по месту работы.

Наступил 1986 год, однако об обещанном переходе к фазе победы Коммунизма, которая, должна была наступить ещё в 1980-м, судя по графику, изображенному во всю стену маслом, в кабинете истории местной школы, до сих пор никак не объявлялось. А учителя на вопросы «Почему» и «Когда» внятно ответить не могли и терялись, и путались в объяснениях.

Афганский синдром

За то, два раза в год, весной и осенью в село возвращались загорелые, угрюмые и иногда совсем поседевшие парни, отслужившие армию в далёком Афганистане и часто удивлявшие родных и просто односельчан сверкавшими на груди боевыми наградами. А ещё бывало, что их встречали гораздо раньше срока, когда возвращались они в цинковых гробах, крепко запаянных сваркой и запрещённых к вскрытию, в сопровождении людей в военной форме. Вот тогда, из уст местного Военкома, на сельском кладбище звучали краткие слова о каком-то интернациональном долге, который они исполнили до конца.

Это совсем никак невозможно было понять, кроме того, что концом выполнения долга для них стал конец их земного пути и самого ценного для каждого человека – собственной жизни. Никто из селян не знал значения этих слов про «интернациональный долг», сквозь слёзы невест и матерей лишь приходило понимание, что где-то там очень далеко, на чужой для нас земле, идёт чужая война, и там почему-то воюют наши вчерашние школьники, молодые ребята, которых никто не провожал в этот ад и никто не рассчитывал на такую встречу.

Так Афганистан стал страшным ужасом для всех матерей, чьи дети подрастали и готовились вскоре пойти по призыву в армию. Многими ночами они тихо рыдали в подушку и молили Бога, кто как умел, чтоб её кровинку миновала эта участь. Но миновала она не всех.

А подрастающие старшеклассники знали, что рулетка не предсказуема и кто-то обязательно попадёт служить либо в «команду №1», в желанную ГСВГ (Группу Советских Войск В Германии), откуда все возвращаются счастливыми и радостными, привозят наклейки с пышногрудыми фрейлинами и рассказы про покоренную Германию, где Коммунизм тем не менее, для немцев, как это не парадоксально, за счёт нашей помощи, уже наступил, где несколько раз за службу советский солдат из ограниченного контингента мог сходить в увольнение, и даже возможно попробовать настоящего немецкого пива и колбасок. А кто-то другой попадёт в «команду №2» и тогда светит ему путь в учебку, в Таджикистан, и оттуда, через шесть месяцев, его перебросят транспортным ИЛ-76 в Кабул, а дальше, уже вертушкой (вертолет), в одну из афганских провинций. В страну, где стреляют даже дети и старики, а смерть поджидает в любом месте, в любое время.

Особого героизма и желания воевать никто не испытывал, хотя все ещё были комсомольцами и патриотами, но внутри каждого было чувство чего-то не настоящего в этой истории, какого-то обмана.

Ведь война на афганской земле никакого отношения к защите собственной Родины не имела и обратное никто не доказал, даже Советская пропаганда. Никто не мог объяснить убитым горем родителям, почему их сыновья должны были погибнуть в мирное время и на далёкой чужбине.

Вот почему, в том числе, среди разных прочих причин, десятикласснику важно было не просто закончить среднюю школу, но и обязательно постараться поступить в институт. Ведь тогда можно будет получить отсрочку от призыва в армию или закончить военную кафедру и вообще стать офицером запаса. А эта война в Афгане, как называли Афганистан те, кто оттуда вернулся, глядишь к тому времени и закончится, рассуждали те, кто имел способности мыслить «по-взрослому».

Саня не был исключением, он тоже много раз задумывался на эту тему, внимательно читал международные новости в газетах, смотрел программу «Время» по телевизору, но там почти ничего не говорили про эту далёкую войну.

Серёгина исповедь

И вот однажды, недавно вернувшийся из армии, сосед, Серёга Пархоменко, которого Саня знал с малолетства, тот самый Серёга, который когда-то учил Саню как сделать из куска трубы пистоль, теперь изрядно приняв водки вдруг стал рассказывать сквозь потускневшие стекленеющие глаза свою историю. Он почему-то решил рассказать её здесь, в тренерском домике, на сельском стадионе, в комнате которая была с детских лет Меккой всех местных физкультурников, где стены были увешаны памятными вымпелами и призовыми медалями, а полки уставлены запылившимися спортивными кубками, именно здесь, после очередного футбольного матча с командой соседнего района, его прорвало. Видимо носить в себе эту тайну дальше было тяжелее, чем рассказать о ней и о пережитом хоть кому-то из своих.

Его лицо вдруг потемнело до серого, землистого какого-то цвета, плечи опустились, он весь сгорбился и постарел на пару десятков лет. Внезапно по его щеке покатилась слеза. Охрипшим голосом без всяких эмоций, почти шепотом, Серега заговорил про то, что такое, эта Афганская война. Сжатые до побелевших косточек кулаки дрожали, как он не пытался их прижать к столу. Дыхание его стало прерывистым и даже иногда казалось, что ему не хватает воздуха и он задыхается. Он медленно говорил о том, как там, в Кандагаре, им всем хотелось жить, и про то, как гибли товарищи и как важно было выдержать первый год, потому что ещё зверствовали и собственные дембеля, но надо было терпеть и выживать, иначе не возьмут на боевые (боевые рейды) и будут потом «чморить» до конца службы.

Хотя Серёга и выпил, но многое он не договаривал, ведь подробности рассказывать ему было нельзя и это всем было понятно. Но и из того, что он говорил было понятно многое. Сквозь эти слова старшего товарища сквозили бури эмоций, обиды, непонимания и ещё много всего. Но всё равно, было трудно представить в полной мере, сколько горя, страха и ужаса пришлось там испытать и Серёге и всем, кого отправили на ту войну.

Он всё говорил и говорил, и не было в его рассказе ничего приукрашенного и геройского. И становилось ясно, что война – это холод, грязь, вонь, постоянный страх, напряжение и смерть, которая всегда где-то рядом присматривается к тебе. А ещё там выживает тот, у кого более развиты животные инстинкты, а вот победить на такой войне нельзя, потому что не понятно, что такое эта победа и кого надо побеждать и зачем.

Саня, слушал вникая, как мог, в смыслы и вдруг, впервые, глубоко осознал, что этот человек вернулся из ада, и война, она совсем не прогулка, и никакие награды не стоят того, чтобы туда стремиться.

В конце своего монолога, уже совсем тихим и осипшим голосом Серёга сказал, что понял там очень простую вещь – в жизни самое дорогое это сама жизнь. – Саня слушал, боясь пропустить что-то важное, а старший друг, всё говорил. Он говорил сквозь застывший взгляд, уставленный в одну точку, было видно, что он вообще сейчас где-то не здесь, а где не понятно.

Серёга замолчал, взял на половину наполненный большой граненый стакан водки и выпил как воду, и было видно, что он не чувствует вкуса, не пьянеет, и вообще, находится сейчас в каком-то измененном состоянии сознания. Рассказывая свою историю, он вновь переживал те события и те эмоции. Видимо водка вернула его сюда в эту комнату со спортивными вымпелами на стенах и пыльными кубками на полках.

Он обвёл всех присутствующих долгим, чуть прояснившимся взглядом и спросил, скорее в никуда, чем кого-то конкретно

– Как с этим всем жить? Зачем нас туда отправили? –

Ответа не было, никто во всём Советском Союзе, наверное, не мог бы объяснить зачем наших парней отправили убивать и воевать, в страну о которой, вчерашние мальчишки, почти ничего не знали, а если и слышали, то только из школьных учебников. А теперь они, даже

вернувшиеся целыми и физически здоровыми не могли больше жить как все. Их души были изранены и истерзаны, и теперь они не могли как прежде жить здесь, в мирном времени.

Вот и у Серёги что-то сломалось внутри, и он каждую ночь воевал во сне, просыпался от собственного крика, в слезах и ужасе, и теперь он всё время думал о том, что хочет туда, назад в Баграм, ведь там всё понятно и ясно. А ещё там не надо прикидываться «нормальным», потому что там все такие же, как и он сам, люди, познавшие боль и заглянувшие в глаза страшной бездны. Говорят, что если смотреть долго в глаза бездны, то бездна начинает смотреть на тебя. Те парни знали об этом не понаслышке.

Когда Серёга закончил, он резко поднялся и вышел в распахнутую дверь, в ночь и исчез в темноте.

Все, кто присутствовал в комнате из взрослых мужиков, протрезвели. Кто-то нервно курил. Но все притихли и понимали, что сейчас услышали страшную исповедь человека. Он, Серёга, ещё несколько месяцев назад был совсем в другом измерении, про которое никто из них ничего не знает. И это очень страшное место, а называется оно – война.

Саня знал Серёгу всю свою недолгую жизнь и очень его уважал, а может даже любил, особенно после того, как он вернулся из армии. Когда Саня увидел на его дембельском кителе орден «Красной Звезды» и медаль «За Отвагу» он искренне загордился тем, что его старший друг настоящий герой. Эти награды, которые Саня раньше видел только у ветеранов Великой Отечественной войны и никогда, у практически его, Саниных ровесников, взрывали сознание пацана и пробуждали жуткую зависть, и вызывали сильное удивление.

Серёга стал для Сани с того момента настоящим героем и непререкаемым авторитетом.

Но вот теперь, после того, что Серёга рассказал на сельском стадионе в тот день, переходящий в ночь, правда войны увиденная его глазами, весь долгий и местами жуткий путь старшего друга, всё это оказалось как отрезвляющий ушат ледяной воды. Саня был шокирован услышанным, ведь это так сильно отличалось от всего что он слышал, читал или видел по телевизору.

Именно тогда Саня впервые понял, что есть какая-то другая, неизвестная всем правда, и надо обязательно научиться её видеть и понимать. А ещё самое важное и дорогое в жизни – это сама жизнь, а не деньги, звания, ордена, слава или нечто ещё. Мысль эта стала настоящим открытием и ещё много дней не давала покоя.

Только через тридцать лет собственной насыщенной жизни, проходя курс личного психоанализа и прорабатывая себя, Александр Иванович Морозов, возвращаясь к своим воспоминаниям юности и анализу своих решений и поступков, поймёт, что именно в ту ночь на стадионе, он повзрослел и понял смысл жизни, вернее ему преподали важный урок, который он осознал и принял. Ведь именно тогда он начал думать о своём будущем не как сопливый пацан, он впервые начал размышлять как воин, который принимает решения, опираясь лишь на веление своего сердца и собственный разум.

Чукча

Но это всё было потом, чуть позже, а сейчас солнце зависло в зените, воздух звенел не то от звуков стрекоз, оводов и других степных насекомых, не то от накопившейся в нём электрической энергии и пика температуры.

Убежищем от жары могла стать, либо прохлада деревянного дома, который в любую жару сохранял свежесть, или деревенский пляж. Поэтому четвертый день подряд, вместо того что бы штурмовать учебники, Саня весь день проводил здесь, на местном озере. Он понимал, – конечно, с одной стороны, это неправильно. Но, а с другой, чувствовал, что правильно. Он чувствовал, что эта пауза у воды сейчас нужнее зубрежки учебника для подготовки к выпускному экзамену по физике. Разум, конечно, требовал сидеть сейчас дома и готовиться к зав-

трашнему дню. Но всё утро Сани противилось и бастовало. Он чувствовал, что все нужные к экзамену знания у него и так есть, а панические настроения, и зубрёжка в последний момент, могут лишь навредить.

Вообще-то физику он всегда воспринимал как нечто очень важное, и всегда большое, непознанное и завораживающее, даже больше, чем об этом рассказывала, с восточным расколом глаз учительница. Ей было неизвестно сколько точно, но уже не мало лет. При этом все школяры за глаза называли её просто – «Чукча», несмотря на её кандидатскую учёную степень, которой, к слову говоря, больше ни у кого из учителей да и вообще в районе, не было и в помине. Была она женщиной замкнутой, ни с кем не дружила и жила в собственном мире куда практически никого не впускала. В ней была непонятная загадка для окружающих людей, она была «не такая», никому ничего не навязывала, ни с кем не спорила, всегда была спокойной и никогда не повышала голос. Она никого не наказывала на уроках и не обращала внимание на тех, кто отвлекался или откровенно саботировал урок, такое поведение для учителя местной школы было совсем странно и необычно. Вообще она была очень интеллигентным человеком, никогда не кичилась своей учёностью и званием Кандидата физических наук. Она была очень умной, невероятно знала свой предмет, и не только его, единственная в школе она преподавала ещё и астрономию. При этом Чукча никогда не качала права, не обращала внимания на нападки и зависть коллег и видимо, именно это давало почву считать её слабым преподавателем и человеком не от мира сего... Она была выше провокаций, которые ей постоянно устраивали и ученики, и коллеги, и как будто не замечала их. Естественно, что такое поведение преподавателя вызывало у большинства вокруг больше агрессии и неприятия чем понимания и поддержки. Это подтверждало лишь правило о том, что люди не любят и не прощают, чаще всего тех, кто не похож на них самих, на серое большинство. Все кто не стремится быть или хотя бы казаться как все чаще всего становятся кем то уникальным. Именно это обстоятельство её личной непохожести притягивало и к предмету, который она преподавала, и к ней самой, Саню и тех немногих ребят, которые восхищались исключительностью и уникальностью, тех кто стремился узнать собственное Я, и жаждал быть самим собой. Непохожесть часто объединяет гораздо сильнее похожестей.

Он всегда внимательно слушал на её уроках и вникал во всё услышанное, стремился понять, всегда делал домашку и разбирал все примеры и задания. Несмотря на постоянный шум на её уроках, он буквально проваливался в материал и был готов сразу по окончании урока, повторить всё услышанное почти дословно. Дети бывают очень жестоки, и её очень обижали, а он никак не мог ничего изменить. Она иногда плакала, закрывшись в лаборантской и никому не показывала своих слёз. А Саня очень страдал от того, что никак не может ей помочь. Он не понимал, что и к чему в этой истории, как она попала в это далёкое от цивилизации село, почему и зачем. Но всё, что он мог, он сделал, вернее, просто пару раз набил морду своим самым подлым одноклассникам и заявил, что так будет разбираться со всеми, кто будет мешать ей на уроке давать материал. Драться Саня умел и постоять мог не только за себя, он готов был разобраться с любым в школе, но понимал, что это не решение. Суть и содержание её личной истории, для него так и останется навсегда тайной потому, что она никогда бы сама не рассказала, а спросить было не у кого. Ни семьи, ни детей Чукча не имела. Но именно она, эта странноватая учительница, научила его понимать и чувствовать физику, её важнейшие законы. И это позже окажется одним из ключевых приобретенных качеств и мировоззренческих подходов нашего героя, которые определяют в дальнейшем его жизнь. Да и знание астрономии ему тоже ещё ой как пригодится.

Саня в очередной раз разбежался по горячему песку и закрыв глаза нырнул в прохладную воду, задержал дыхание и заскользил вдоль поверхности с вытянутыми вперёд руками, которые как нож, рассекающий сливочное масло или океанский лайнер – океанскую гладь, резали воду, охлаждаящую своим касанием, каждую клетку нагретой солнечным жаром кожи. Лицо и всё

тело обдала желанная прохлада. Выныривать не хотелось. Вот если бы можно было не дышать, хоть ещё несколько минут... Взлетев из толщи воды и вновь обретя полноценную слышимость реальности, Санька стряхнул головой и открыл глаза. Мир вернулся и обдал душным, горячим воздухом, солнце зависло и даже сквозь закрытые веки слепило красным светом. На берегу шумели его друзья и просто знакомые ребята. Он знал здесь всех, и про всех почти всё, а все знали его. Одного не знали ни те, кто был на берегу, ни он сам. Через две недели он – Саня Морозов получит школьный аттестат со средним баллом 4,85 и навсегда покинет эти места, а пока – завтра предстоял экзамен по физике, который без всякой подготовки он сдаст на 5, и своим загорелым видом удивит и преподавателей, и вздыхающих по нему одноклассниц. Но это будет завтра, а пока он, семнадцатилетний ста восьмидесяти пяти сантиметров роста парень, высушенный и загорелый на солнце, сбитый как одна цельная мышца, с сильными руками и ногами, атлетическим сложением, полный энергии и любви, разбежавшись снова нырнул в искрящуюся чуть зеленоватую воду, он грёб вразмашку вдаль от берега словно запущенная торпеда, периодически ныряя с головой в целительную прохладу водной глади. И не было в этот миг на планете Земля человека более счастливого в ощущении настоящего, чем он, как и другого настолько созревшего открыть, познать и создать собственный мир, открыть мир будущего, карту собственной жизни, где перекрестки – это возможности, направления – принимаемые решения, цели – разные, но всегда стоящие.

Варя

Однако, стоило выйти из прохладной воды и растянуться на берегу, как Саня опять задумался и загрустил, и причина была, сложная и очень личная. Саня не мог никому признаться в источнике своих переживаний и это и тяготило, и мучило, и обжигало, а иногда взрывало всю его сущность, то приступами скованности и смущения, то светлым и радостным приступом чего-то ослепительно радостного и прекрасного. Но поделиться этими новыми переживаниями было не с кем, вернее он был не готов это обсуждать.

От одного предположения причины такого состояния у него вспыхивали жаром щеки и краснели уши. Всё дело в том, что Саня вляпался, а точнее влюбился. Виной всему была Варя, девочка из 9-а, и вот уже целый год как наш герой не равнодушно смотрел ей в след, украдкой вздыхал и искал любую возможность быть если не вместе, то хотя бы рядом со своей избранницей. Она была рослая и стройная, с большими красивыми глазами и длинными, почти до плеч, светло-русыми волосами. Но самое удивительное что в ней было, это её улыбка и её голос, а ещё от неё всегда очень удивительно пахло, её волосы издавали такой аромат яблок, что Саня просто дурел.

Варя ходила стройной, пружинящей походкой, всегда гордо держала подбородок и было сразу понятно, что она знает себе цену. Когда они встречались, Саня всегда не на шутку смущался и порой, даже терялся. Позже он сам себе не мог этого простить, ведь был то он не робкого десятка. А тут такое. Надо отметить, что его вообще невероятно раздражало всё, что он не мог контролировать и с чем справиться в жизни, а в личных переживаниях тем более. Но стоило увидеть Варю и самообладание его опять покидало, щеки розовели, уши горели и даже голос как-то предательски начинал дрожать. Он пытался справляться, но казалось, что все вокруг видят и понимают в чём дело, а не смеются только из чувства такта.

В последнее время перед тем, как заснуть, мысли настигали с новой силой. Он лежал и представлял себе, что обязательно наступит момент, когда и она тоже начнёт испытывать к нему такие же сильные чувства, или даже сильнее. Тогда они будут настоящей парой, и всё у них будет серьезно, как у взрослых. У него ещё никогда и ни с кем так не было, а судя по рассказам друзей все уже имели опыт тесных отношений с девчонками, кое-кто даже делился

подробностями своих подвигов на любовном фронте. Правда Саня не очень-то в эти рассказы верил. И эти рассказы совсем не соответствовали его личным чувствам.

Мысли о Варя стали в его голове занимать очень много места, и это не удивительно, она была не только самой красивой девчонкой в их школе, но и вообще из всех девушек, каких Сане приходилось встречать.

Варя с первого класса занималась танцами и потому её походка и осанка были просто невероятны и её всегда провожали завистливые взгляды девчонок и восхищенные парней. Саня, скрывал свои чувства как мог, но влюблён он был безумно и это делало жизнь в последнее время просто невыносимой. Варя, не то, чтобы не оказывала ему знаков внимания, или избегала его, нет, они много и часто общались, вместе ходили в кино, в парк и танцевали на школьных вечерах, но так как ему бы хотелось, Варя с ним никак не сближалась. Это его сильно раздражало, ведь за всё время она лишь однажды поцеловала его, случилось это весенним вечером в парке, он принес ей букет из сирени, что наломал во дворе у дома, а она просто улыбнулась и чмокнула в ответ его в щёку, он хотел ей во всём признаться, но как будто уже всё зная наперед, она его перебила и предложила идти качаться на качелях – лодочках, на которых они любили качаться до стука переладины о балку. Качели были старые и их никто не замыкал на ключ, поэтому это был любимый аттракцион всей местной молодежи. А на обратном пути она дурачилась и делала вид, что ничего уж такого особенного и не произошло, а для него произошло и очень даже особенное.

Спутница-ревность

А почти перед последним звонком Саня случайно или не случайно, но услышал, как две подружки Вари обсуждали новость, что она переписывается со Славкой гитаристом, который на год старше Сани. С ним она встречалась пару лет назад. Теперь Славка поступил в артиллерийское училище и был курсантом, а это было престижно и ценилось многими девчонками.

Но Саня знал Славку и знал, что он был настоящий ловелас, он играл в школьном ВИА (вокально инструментальный ансамбль в 70-80 годы 20 века) и пел там пару песен. Девчонки сходили по нему с ума, а он просто этим пользовался.

Видимо теперь ему стало скучно в своем училище, и он снова поманил Варю, а та ..., – как же так – думал Саня. – А может всё совсем не так, и между ними проснулись чувства и у них новые отношения, – терзал себя вопросами Саня. Может из-за этого Варя и не дала ему тогда в парке признаться в любви? – Но как же она могла?! Как?! -

В висках стучало, дыхание сперло, он был раздавлен и абсолютно зависим, и ещё беззащитен. Он чувствовал себя преданным, преданным той, на кого он готов был молиться.

Эта новость его просто раздавила, и Саня в первый и единственный раз сорвался. Он потерял самообладание, хотелось куда-то исчезнуть, и он убежал на озеро и проревел там целый вечер, вдали от чужих глаз, было стыдно и непонятно больно одновременно, распирали и обида и злость.

Так он впервые понял, что это и есть любовь и её спутница ревность. И ещё понял, что ему стыдно перед самим собой за то, что вот так вот раскис и поплыл. Такого никогда с ним не случалось и плакал то он последний раз лет в пять, когда счесал, упав с разбега на асфальт, всю коленку на одной ноге и ещё сильнее – на второй. Тогда было очень больно, но то была совсем другая боль, она прошла стоило обработать раны и наложить повязку.

В этот раз боль была где-то внутри, в груди, воздуха не хватало и было тяжело в какой-то момент даже дышать, ничего не хотелось и даже... жить. Он подумал – если я сейчас вот брошусь с моста, то, наверное, она даже не заплачет. Что ей, что меня больше не будет, у неё же есть этот... Ну и мысли, – испугался сам себя Санька, почувствовав сухость во рту. – Нет! Так не должно быть, и не будет! – услышал он собственные слова.

С этого момента Саня Морозов решил научиться управлять своими чувствами, быть сильным духом и не выдавать желаемое за действительное, иначе в жизни ничего не добьётся. Это был очень болезненный, но и очень важный урок. Хоть душе и не прикажешь, он Саня, зарекался навсегда, в будущем больше с Варькой не общаться и не встречаться, как бы тяжело это не было.

Саня всегда верил в то, что он человек воли и характера, а значит должен научиться управлять всеми своими чувствами, какими бы сильными они не были. А ещё лучше на будущее, научиться их гасить в момент самого зарождения, подумал Саня, но как это сделать он ещё не понимал, но точно знал, что обязательно научится.

Прощай Варя

Школьный Выпускной прошел совсем не весело. Саня, хоть и поклялся больше не иметь дела с Варей, всё же до последнего надеялся её увидеть... в последний раз. Уже следующим утром его ждал долгий путь на Урал, а там совершенно новая и неизвестная, совсем другая жизнь. А пока, выпускным вечером ему пришлось собрать всю волю в кулак.

Варя выступала на сцене от лица новых десятиклассников поздравляла выпускников, говорила какие-то принятые в таких случаях слова, даже шутила. И Сане показалось, что несколько раз посмотрела на него как-то совершенно по-особенному, а возможно, что и не показалось.

Но вечер на озере, ещё был очень свеж в памяти и боль и стыд и ещё, что-то новое, то, что проснулось в его характере. С Варей больше ничего не состоялось, не было ни выяснения отношений, ни прощания, ни обещания с его стороны писать армейские письма, а с её стороны быть его девушкой и ждать... Он старался её не замечать, но она пригласила его на белый танец.

Конечно, отказать было чересчур, поэтому они закружились в медленном ритме. Он как никогда аккуратно держал её за тонкую гибкую талию в последний раз вдыхал запах её волос, чувствовал её дыхание и просто молчал. Он молчал и прощался. Он всё уже для себя решил. Когда песня закончилась, он также молча отвёл её к подругам, последний раз посмотрел в её наполненные слезами глаза и тихо сказал – спасибо. – Затем развернулся и пошел прочь, почувствовав, что голова и грудь сейчас взорвутся от накрывающего опять чувства, которое надо обуздать и погасить.

Тогда, идя сквозь танцплощадку прочь от девушки, которую любил, он ещё не знал и даже не предполагал, что только что родилась самая большая боль его души на много лет. Она будет с ним пока не придёт что-то ещё, что-то более сильное. Только так излечится израненная душа. Но это потом, а тогда он разрешил для себя очень важный вопрос – решения и чувства не зависят друг от друга, не должны зависеть, какими бы тяжелыми эти решения не были. Уметь принимать не простые решения – есть важнейший навык для настоящего мужчины, командира, руководителя. Через много лет его, это умение, ещё не раз спасёт и не только его, самого, но и многих людей которые будут рядом с ним. В тот день Александр стал мужчиной, умеющим принимать болезненные для себя решения, наступать чувствам на горло и действовать рационально, соответственно ситуации.

В новую жизнь

Утром следующего дня в сопровождении бабули и мамы он отправился на автобусную остановку, оттуда можно было добраться до железной дороги и там сесть в проходящий на запад поезд.

Бабушка перекрестила его в спину и что-то прошептала про добрый путь, а мама, еле сдерживая слёзы крепко обняла и прижала к себе, и Саня тоже чуть не заплакал в ответ.

Он попытался их успокоить, пошутил про провода на войну как будто, но шутка совсем не удалась, и он быстро вскочил в распахнутую дверь старого деревенского Пазика, который словно по команде затрясся, стрельнул из выхлопной трубы прощальный салют сизого дыма, хлопнул закрывающимися дверцами и двинулся в сторону железнодорожного узла. (от марки автобуса – выпущенного на Павловском автобусном заводе). Варя проводить его не пришла, маленькая надежда на это у Сани ещё теплилась, но как он не вглядывался, её не увидел... Больше он её никогда не встретит и никогда не забудет, хотя многое произойдет. Но такова первая любовь, как правило, она не взаимна и возможно это не плохо...

Так, собственно, и закончилось детство, юность и отрочество, в одно летнее утро. Так просто и очень понятно. Он уезжал из родного дома, далеко на запад, за тысячи километров и разницу в несколько часовых поясов, уезжал ещё не осознавая, что это навсегда, он покидает эти удивительные степи, родное село и свою первую любовь. Он ещё вернется несколько раз на побывку, чтобы увидеть своих родных женщин и помочь поправить старый забор, наколоть несколько раз дров, но уже никогда не вернется сюда жить.

А ещё спустя годы он точно поймёт, что для него означает слово Родина, оно обретет очень конкретный образ, значение и наполненность. Оно вместит в себя это далёкое сибирское село, родительский дом, степную дорогу вдоль пшеничного поля и старый деревенский погост, где похоронены все Морозовы, и ещё многие родные и близкие ему люди. И он, капитан, с позывным «Шторм», будет помнить эту свою далёкую малую и великую Родину. Он будет вспоминать её в самых разных обстоятельствах и разных местах: в горах Кавказа и Альпах, над Северным – Ледовитым и Тихим океанами, в Атлантике, в азиатских пустынях и Средней Азии, на сопках крайнего Севера, в Америке, и Африке, и ещё много, где, куда забросит его непростая судьба.

Но сейчас он ничего этого ещё не знает и старый автобус подняв столб пыли на сельской дороге уносит его в новую жизнь. В первый раз и практически уже навсегда он покидает родные и такие любимые места своего детства.

Глава 3 Случилось

Преодолеть сомнения

Позади остался полный неизвестности месяц. Это было странное и волнительное время. Хотя Саня уже и сдавал не раз экзамены в школе и был хорошо подготовлен по всем основным предметам, всё же волнение и стресс от страха «завалить» и не пройти в итоговый список был огромный. И страшно во всём этом было не столько возможность остаться за бортом, не попасть в учебное заведение, а страшно было возвращаться домой неудачником, который не смог пройти и не смог поступить. Никому не объяснишь потом про сложность вступительных испытаний и конкурс 10 человек на одно место уже после сдачи всех экзаменов. Никому уже не докажешь, что там собирают только лучших и потом выбирают ещё самых-самых из них, а ты не смог стать таким. Но самым страшным для Сани Морозова было не это. Страшно оказалось потерять мечту, ни добиться, ни пройти, оказаться не тем, кем сам себя хочешь видеть и главное-не стать тем, кем сам себя уже считаешь. И он очень старался. Он старался потому, что не столько понимал, сколько чувствовал – это очень важный момент в его жизни. Поэтому надо его вытащить, выгрызть, выцарапать и победить, даже если потребуется превзойти самого себя.

Это не то, что сдавать физику в школе, здесь, что не преподаватель, почти все или кандидаты, или доктора наук, заслуженные асы авиации, некоторые из которых просто живые легенды. И Саня знал ему нужно сюда, именно сюда, в одно из самых элитных военных училищ, заведение, которое готовит военных летчиков – штурманов.

И вот он уже стоит на плацу в строю абитуриентов и внимательно слушает называемые полковником, председателем приемной комиссии, фамилии всех зачисленных на первый курс. Наконец, сквозь почти обморочное состояние, он слышит собственное имя – Морозов Александр Иванович.

Внутри всё как будто обрушилось, было очень странное ощущение, на миг показалось, что он никого больше не слышит и даже не видит. Он сделал это и это означает уже наступившую новую жизнь. И если первая его реакция была – Вау! То она очень быстро трансформировалась во что-то другое, новое. С одной стороны он добился своего, и надо радоваться и прыгать от счастья, но с другой ему было как-то совсем не радостно в отличие от многих, чьи имена тоже назвали.

Странно, но он подумал, что не очень хочет расстаться со своей родной одеждой и надеть казенную форму. Почему-то ему вдруг показалось, что это будет означать полную потерю себя, и он станет просто одним из сотен курсантов первокурсников, зеленых человечков с желтой «кашкой» (буква «К» на курсантских погонах), точно посередине между двумя продольными такими же желтыми, кантами на голубом погоне. Нахлынувшие эмоции были как смесь, которая никак не хотела смешиваться.

Он поступил сюда, и это была главная цель, но с другой – теперь впереди четыре с лишним года казармы и отпуск два раза в год и то, в случае если заслужишь. А ещё Саня совсем не понимал в этот момент главного, зачем ему всё это? Не ошибся ли он, выбрав именно это учебное заведение, не ошибся ли он, выбрав для себя эту профессию и эту жизнь офицера. Были ведь в его голове и другие варианты, и были определенно реальные возможности другого выбора. Он мог пойти на юрфак, или стать историком, или журналистом, а ещё он бы был не против прожить жизнь педагога или выучиться на психолога, в принципе, с его аттестатом и способностями он мог поступить почти в любой университет. Но по каким-то не понятным

даже для себя самого причинаю, он поехал и поступил именно сюда в училище военных летчиков-штурманов.

Позже, через десятилетия, анализируя этот поступок, он поймёт, что по-другому в тот момент быть и не могло. Но когда это ещё будет... Ведь для этого надо пройти многие дороги, перекрестки и развилки сложных маршрутов собственной судьбы, накопить огромный личный опыт и лишь потом понять предрешенность каждого шага в этой истории, в которой, как он поймёт со временем – нет места случаю.

Саня ещё даже не предполагал, что курсантские годы для него станут очень большим испытанием, не только периодом овладения сложной летной специальностью, но и временем выращивания себя, когда придется научиться преодолевать приступы страха в критических ситуациях, научиться владеть собой в самых сложных и напряженных моментах, а ещё временем, когда он научится чувствовать плечо товарища, уступать и убеждать, делиться последним, быть верным данному слову и ценить свою честь, уважать приказы командиров и при этом оставаться собой.

Здесь он научится быть не солдафоном, тупо выполняющим работу по производству смерти, а быть воином и это будет означать, что он внутренне не перестанет быть собой, не станет машиной для убийства и будет всегда думать и действовать осознанно, по крайней мере зная цену и необходимость этой степени свободы для себя.

В этот день этого ещё он и не знал, и не предполагал, и потому лишь какая-то грусть возможно от потери многих других возможностей и сомнений в правильности происходящего не отпускала его. На плацу училища, где Саня стоял вместе с сотнями абитуриентов тем временем закончили зачитывать списки поступивших на первый курс, попросили всех остальных покинуть строй и остаться только счастливицков чьи мена прозвучали. Саня осмотрелся вокруг и понял, что среди этой разношерстной толпы он почти никого не знает за исключением пяти – шести ребят, чьи кровати были рядом с его, и с кем успел как-то столкнуться на абитуре. Теперь их должны были распределить по подразделениям. И это была вторая важная часть, никто ведь не знал в какой род авиации его зачислят. Саня смотрел на своих соседей в строю, на довольные часто расплывшиеся в дурацкой улыбке лица и почему-то именно сейчас вспомнил слова, которые он однажды услышал от своего наставника, старого мастера на весовой станции, Семёна Игнатьевича.

Рабочая школа

Шло жаркое лето 1982-го года, Саня тогда перешел в седьмой класс, и уговорил маму договориться с директором заготовительного предприятия чтобы Саньку, хоть ему ещё и не было 14 лет, приняли во время летних каникул на работу. А такой работы чтоб руками, в селе всегда хватало, практически в любой организации. Вот и на весовой, где взвешивали по осени все машины с зерном перед тем, как отправить урожай дальше, летом надо было отчистить и протереть весь механизм этих огромных весов, скрытых под полом в глубокой огромной яме. И подлезть туда мог только человек очень мелкой комплекции или подросток, так как мужиков желающих месяц на пролет сидеть в грязной пыльной яме и нюхать целыми днями солярку не нашлось, работу разрешили выполнить Саньке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.